

А. П. ЩАПОВ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

ПИСЬМО к П. П. ВЯЗЕМСКОМУ ОТ 8 ОКТЯБРЯ 1861 г.

Статья М. В. Нечкиной

Афанасий Прокофьевич *Щапов* (1830—1876)— один из крупнейших деятелей революционно-демократического движения шестидесятых годов — изучен далеко не достаточно. Оценка его политического мировоззрения до сих пор является предметом спора историков. Каких только решений тут ни предлагалось: одни определяли Щапова как славянофила, другие как буржуазного либерала; его относили то к родоначальникам народничества, то к «просветителям», то к революционным, то к не революционным демократам¹. Как всегда, недостаточная выявленность первоисточников, на основе которых выносилось суждение, содействовала противоречивости толкований. Нередко упускалась из виду и бурная эволюция его мировоззрения,— оно определялось не в развитии на основе совокупности обнаруженных источников, а на базе отдельных работ, выхваченных из связанного друг с другом ряда, при этом оно трактовалось как рано сложившееся, стоячее, застывшее на исходных позициях. Быстрое развитие мировоззрения Щапова в пору стремительно развивавшихся событий шестидесятых годов, — событий, в поток которых с головою ушел живой и активный деятель своего времени, страстно, всю жизнь искавший правды, — несомненный факт, который требует внимательного изучения.

Особо интересным этапом этого развития являются годы революционной ситуации. К ним и относится вновь найденный документ: письмо Щапова к попечителю Казанского учебного округа кн. П. П. Вяземскому (1820—1888), сыну известного поэта П. А. Вяземского. Оно не носит характера частного письма, в нем — горячее изложение взглядов автора на современную жизнь, на историю угнетенного крестьянства, протест против угнетающего народ дворянства и против сословности вообще, убежденное, радищевски-страстное разоблачение дворян как крестьянских кровопийц и вместе с тем продуманная историческая концепция автора. Это письмо — один из важнейших источников для изучения мировоззрения Щапова — теперь должно прочно войти в сложный документальный комплекс, на основе которого мы исследуем мировоззрение историка-демократа в годы революционной ситуации. Главными составными частями этого комплекса являются, кроме легально изданных в свое время работ Щапова, — его полулегальная лекция «О конституции», прочитанная в 1860 г. казанскому студенчеству², нелегальная речь на Кургинской панихиде (апрель 1861) в память крестьян, расстрелянных во время Безднийского восстания, написанное под арестом письмо Александру II в мае 1861 г. и, наконец, публикуемое письмо к П. П. Вяземскому от октября 1861 г. В этом комплексе документов, относящихся к короткому периоду 1860—1861 гг., ясно видна эволюция Щапова, созревание его мировоззрения.

Подобно Герцену, Щапов испытывал либеральные колебания, но и у него при всех колебаниях — демократ «брал верх». Разница лишь в более последовательном демократизме и в происхождении колебаний: они порождены, на мой взгляд, «наивным монархизмом» крестьянина, а не герценовской связью с дворянской революционностью.

Элементов классовой дворянской ограниченности в мировоззрении Щапова, разумеется, нет, — но в нем налицо немало элементов крестьянской ограниченности. Публикуемый документ как раз свидетельствует о том, что у Щапова революционно-демократические взгляды взяли верх над наивно-монархическими колебаниями крестьянства. Тюремное заключение оказалось школой для Щапова, убедившегося на практике в том, что расчеты крестьянского наивного монархизма на социальные преобразования «доброго царя» — пустой звук.

Письмо Щапова к Александру II, написанное под арестом, позже других документов стало достоянием историков: опубликованное только в 1926 г., оно явилось основным аргументом в пользу ограничительной трактовки политических позиций А. П. Щапова: вера в царя и в идущие сверху реформы, несмотря на широкий размах предлагаемых преобразований, как бы исчерпала его политическую характеристику. Обосновывать «либеральный» характер воззрений Щапова оказалось весьма простым делом: видите — вот письмо к царю, в нем наличествует вера в самодержавие. Следовательно, Щапов — либерал. Столь же простой метод когда-то, в годы господства школы Покровского, безошибочно действовал и для определения позиций Герцена: пишет письма к царю, — какой же он революционер? И доселе историки, стремящиеся втянуть Щапова в состав либерального лагеря, опираются на это тюремное письмо как на основной аргумент. Правда, первый публикатор письма А. Л. Сидоров приходил к правильному выводу, что «Щапов был демократом и принадлежал к левому течению общественной мысли 60-х годов», однако сейчас же вносил тяжелое ограничение, основанное на письме к императору: «Но он не был революционером». В 1920-е годы самый факт обращения к царю в глазах историка начисто снимал вопрос о революционности деятеля: ленинский анализ Герцена еще не был глубоко воспринят, сам редактор «Колокола» относился М. Н. Покровским и его школой к «либерально-монархическому течению», и вопрос о либеральных колебаниях деятеля, в процессе которых демократ может *браться* над либералом, еще не был продуман историками русского революционного движения.

Щапова, в отличие от Герцена, никак нельзя отнести к дворянским революционерам — он с головы до ног представитель многострадальной *крестьянской* России. Его тюремное письмо к императору глубоко противоречиво. Он просит царя создать Российскую федерацию самоуправляющихся областей с «народным контролем над провинциальным губернским управлением», с «восстановлением» всеобщих «земских советов» и центрального Земского собора, ограничивающего царскую власть, просит уничтожить «непомерную экономическую централизацию», господствующую в России, и осуществить «всенародное просвещение», на которое народ может претендовать в силу «естественного права». Демократическое по объективному существу политических предложений, письмо все же окутано иллюзиями наивного крестьянина. Какую-то долю этой веры можно отнести за счет, так сказать, тюремной мимикрии, но все же значительная ее часть присуща политическому мировоззрению автора. Письмо к царю является замечательным свидетельством как демократизма его автора, так и наличия в нем крестьянского «наивного монархизма»: веры в фантастического крестьянского царя, который вдруг возьмет да по доброй царской воле и возглавит упраздняющую паризм народную демократию, похерит кровопийц-чиновников и устроит справедливую жизнь. Письмо к Александру II не оставляет сомнений в том, что, по представлению Щапова, царь — глава будущего земского конституционного строя: депутатские собрания созываются «по призыву государя», земские советы «давали бы отчет государю об областных сборах, бюджетах...», будущий строй представляется Щапову «областным народосоветием перед царем» и т. д. Реального царя, конечно, не обманули эти иллюзии, — в резолюции Александра II на письме Щапова значилось: «Все это доказывает, какие в нем преобладают мысли и что за ним придется зорко следить, когда сочтем возможным выпустить его на свободу»³.

Тюремное письмо к Александру II было подано царю в мае 1861 г.: Щапов был арестован 30 апреля, а царская резолюция датирована 21 мая. Письмо к царю является, таким образом, одним из ранних документов в истории ареста его автора и последующих на него гонений.

1. Битинилер	16. Юзеф-Бей
2. Мисл Мисленски	17. Хант Ковачевски
3. Кемали	18. Селимиза
4. Сохачевски	19. Мухаммед
5. Шахматов	20. Кюция
6. Роман Дмитриев	21. Ризунски
7. Суховитинский	22. Ткачевски
8. Педунца проф.	23. Мурински
9. Бол. Лазунски	24. Лапарски
10. Таранчевский	25. Смирнов
11. Ака. Бихорек	26. Зайчунски
12. Чихаров	27. Лавровски
13. Якуб Гейстор	28. Балкановски
14. Захарович	29. Жан Франковски
15. Забихинский	30. Гудановски

ПОРТРЕТЫ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ — Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО, П. Г. ЗАПЧЕНСКОГО И А. П. ШАПОВА, ИЗОБРАЖЕННЫХ НА КАРТИНЕ «ПРОЩАНИЕ С ЕВРОПОЙ» ПОЛЬСКОГО ХУДОЖНИКА А. СОХАЧЕВСКОГО

Зарисовки к картине, 1863—1882 гг.

Портрет Чернышевского под № 10, Заичевского — № 15, Шапова — № 12

Исторический музей, Варшава

Только четыре с половиною месяца отделяют тюремное письмо от замечательного письма к П. П. Вяземскому. Но в этот срок уместился целый этап созревания политического мировоззрения Шапова. Его письмо к Вяземскому много последовательнее письма к царю, — Шапов немало продумал за прошедшие месяцы, пересмотрел многие вопросы.

Письмо к Вяземскому входит в состав «софийской коллекции» герценовских документов. Оно представляет собою святую для Герцена копию; дата самого письма, которой помечен подлинник, дана под подписью «А. Шапов» — 8 октября 1861 г. Дата снятия копии помещена под заголовком «Письмо Шапова к кн. Вяземскому», — под нею значится «переписано 7-го янв<аря> <18>62 <г.>». Как увидим позже, к снятию копии и отсылке письма Герцену причастны члены первой «Земли и воли».

Обстоятельства возникновения этого документа таковы.

16 апреля Шапов произнес известную речь на панихиде по крестьянам, убитым при усмирении Безднийского восстания. 30 апреля он был арестован в Нижнем-Новгороде по пути в Петербург и доставлен в столицу в III Отделение. За выступление на панихиде Шапова лишили университетской кафедры и права преподавания в духовной академии, продержали в виде наказания под арестом еще две недели; первоначальный приговор о ссылке в Соловецкий монастырь, правда, заменили пребыванием под строгим секретным надзором, что облегчалось назначением Шапова чиновником по раскольничьим делам в Министерство внутренних дел, но должность эта была для него чрезвычайно тяжела. Этим назначением III Отделение обеспечивало строгий секретный надзор за крамольным профессором, все связи которого с волновавшимся казанским студенчеством, да и вообще с какой бы то ни было студенческой средой, этим самым искусственно прерывались. В августе 1861 г. Шапов был освобожден из-под ареста и оказался в принудительном и унижительном для него положении лишенного кафедры бывшего профессора, петербургского чиновника.

В это же время — в августовской книжке «Русского вестника» появилось стихотворение П. А. Вяземского под заглавием «Заметка», в котором, по общему мнению, сложившемуся среди петербургских литераторов, был высмеян лично Шапов и в уничижительном тоне сатирически характеризовались его политические убеждения как противника и разоблачителя дворянства. Старый поэт, некогда друг декабристов и Пушкина, «декабрист без декабря», П. А. Вяземский давно растерял к этому времени былой либерализм. Уже не первый раз открыто выступал он против передовых представителей разночинского лагеря: его стихотворение против Белинского выявляло резкую классовую неприязнь дворянина к революционному разночинству. «Заметка» была развитием тех же идей. Крайне слабое с точки зрения художественных достоинств, свидетельствовавшее об упадке творчества, это стихотворение ничем не напоминало лучших произведений молодого Вяземского, принесших ему заслуженную славу. Указание в подзаголовке на стихотворный цикл, к которому относится «Заметка» («На дороге и дома»), не вносит пояснений или ограничений в замысел. Основной темой довольно длинного (15 строф) стихотворения является противопоставление некоей истинной «свободы», которой обладает и дорожит Вяземский, — другой, всячески унижаемой и осмеиваемой им свободе в понимании воображаемого полемиста, в котором нетрудно угадать разночинца-демократа. «Благородная» и «возвышенная» (его термины) свобода Вяземского — «возвышенной души сокровище и страсть» — является его личным достоянием, ее почему-то не может попортить ни «невзгода судьбы», ни даже «вражда людей». Князь обладает ею во всей полноте, свобода эта сторожит его «домашний порог». Лишь высокие личные достоинства человека дают ему возможность обладать свободой такого рода, — ибо «кто рабствует страстям», останется рабом, и получив свободу. Политический смысл противопоставления двух свобод окончательно выясняется строчками:

Душой свободен был Шенье, всходя на плаху,
А Робеспьер был раб в кровавом торжестве.

Князь, забыв традиции юности, высказывается против равенства сословий и считает, что злоба «к отличиям и к роду» является лишь «хворой завистью» к этим отличиям:

Есть древняя вражда: к каретам — пешехода,
Ленивой нищеты к богатому труду,
К барону Штиглицу — того, кто без дохода,
И обвиненного — к законному суду.

Оказывается, «новый Гракх республики журнальной» косит либеральной косою заслуги, род, честь и чины по той простой причине, что он сам-то не прочь от чинов, только они прочь от него. Заодно высмеивается и внешний вид новоявленных Гракхов:

На всех сверкает он молниеносным взглядом.
И чтоб верней любовь к свободе доказать,
Он силится смотреть свирепым дикобразом
И с пеной на губах зубами скрежетать.

Эти защитники свободы лишь, пугая, смешат людей. Далее Вяземский дополняет свои аргументы ссылкой на истинно свободного правдивого Карамзина: «Мудрец и гражданин», он был «тверд и свободен» при дворе, «под царскосельской сенью», а Жуковский сохранил и во дворце детскую душу. Далее следует бессодержательная формула о том, что истинно свободным является лишь тот, кто «умирил желанья» (какие?), кто «светел» душою и «чист» помышлением, кто не обольщается рукоплесканиями толпы и не уязвляется «нахальным» свистом черни. Обозвав далее лозунг равенства «нелепым» и унижающим каких-то «высших», князь концовку утомительно затянувшегося стихотворения заключает либеральным призывом сближать «бойцов» «любовным словом» и говорить старшим: «и младший — брат тебе».

Вот и все содержание «Заметки»⁴. Как видим, в ней нет каких-либо конкретных элементов «щাপовской истории» или реальных примет его личности. Дело идет о принципиальном вопросе — о понимании «свободы». Раздраженно-язвительная попытка защитить сословные привилегии обладателей карет и свести борьбу против сословности к зависти пешехода к карете — не могла не взорвать демократа Щапова и не вызвать его на идейный бой. Узнать себя в стихотворении Вяземского Щапов не мог. И если традиция прочно свидетельствует о каком-то моменте личного столкновения в идейном споре Щапова со старым Вяземским, — остается предположить лишь их личную встречу и спор на эти темы или передачу Щапову мнения отца сыном Вяземского, Павлом Петровичем, попечителем Казанского учебного округа. Но вероятно нет сомнений в том, что с самим молодым Вяземским споры на эту тему были: для Щапова появление «Заметки» старого Вяземского было лишь сравнительно мелким поводом к написанию письма.

Описав многовековую борьбу народа за свои права, Щапов лишь во второй половине обширного письма попутно замечает: «После этого что значит, князь, новая ничтожная выходка вашего отца, князя Вяземского...», «... в насмешку стихам вашего отца ответчу вам стихотворением, сочиненным заранее, и не в княжеских палатах, а в каменных палатах III Отделения». Таким образом, стихи Щапова, включенные в его письмо, написаны не специально в ответ на «Заметку» П. А. Вяземского, появившуюся в августовском номере «Русского вестника» и прочтенную Щаповым, как свидетельствует Н. Я. Аристов, лишь в конце сентября⁵. Они написаны ранее, в III Отделении между маем и августом 1861 г. Из письма Щапова видно, что он хорошо знает и другие произведения старого Вяземского, в том числе и стихотворение против Белинского, более полный разбор он отлагает до другого раза («Князь! я хотел бы разобрать все стихотворение вашего отца, но отлагаю до другого письма. Теперь замечу только: ваш отец, между прочим, укоряет молодое поколение Белинского и его братию в пьянстве, в зависти каретам...»).

Таким образом, письмо Щапова к Вяземскому использовало стихотворную «Заметку» его отца лишь как частный предлог и не содержит в себе прямого свидетельства ни о *личных выпадах* старого Вяземского против Щапова, ни вообще личного характера столкновения, на что указывала прежняя литература⁶. Письмо Щапова к Вяземскому (а судя по обещанию разобрать стихи его отца в «другом письме», была задумана целая серия таких писем) — серьезный идейный документ принципиального

спора о социальной несправедливости и исторической необоснованности дворянских привилегий, о паразитическом характере дворянского сословия, о необходимости покончить с несправедливым и прогнившим политическим строем старой сословной России и заменить его общинным «народосоветием».

Сопоставляя письмо к Вяземскому с написанным за четыре месяца до этого письмом к Александру II, мы видим, в основном, тот же позитивный план серьезнейших социальных преобразований, который отстаивает Щапов в противовес старому строю и робким царским реформам, но плач, углубленный и обогащенный четырьмя месяцами тюремных размышлений. Самое главное — отсутствие в нем того крестьянского «наивного монархизма», который был характерен для предшествовавшего документа. «Предоставив областным советам и союзному федеративному земскому собору создать русское земское общинно-демократическое народосоветие, — царь, естественно, должен отречься от самодержавия», — этот новый вывод Щапова формулирован с предельной ясностью. Щапов солидарен с лозунгом бегунов-раскольников: «Отрицаюсь от великороссийской церкви, от царя и всех его установлений. А когда придет время, бороться буду с ним, с антихристом-императором, и теперь борюсь с ним противлением и неповиновеньем его законам».

Но, может быть, Щапов по-прежнему, отрицая самодержавие как неограниченное единовластие царя, все же считает, что предлагаемый им строй земского «народосоветия» может возглавляться земским царем? Нет, все содержание и весь тон письма к Вяземскому не оставляют сомнений в том, что Щапов изменил тут свою позицию. Во-первых, нигде на всем протяжении письма он не оговаривает этой старой особенности предлагаемого им «земского строя»: в отличие от тюремного письма к Александру II, царь не фигурирует теперь ни как инициатор созыва областных советов, ни как лицо, принимающее отчет по областным сборам и бюджетам, ни в какой другой позитивной функции. Ни этих, ни иных функций у царя нет, — структура будущего политического строя теперь не содержит «царского» элемента. Во-вторых, Щапов прямо утверждает в письме к Вяземскому, что земство *отрицает* царя со всеми его централизационно-бюрократическими учреждениями, одобряет намерение бегущего от царя народа бороться «с антихристом-императором». В свете этих утверждений требование к царю самому создать (отрекаясь от самодержавия!) в сельских местах сельские волостные, а в городах — городовые сходы для обсуждения и устройства сельского и городского общинного самоуправления и нового суда — звучит как ультиматум, ничего не меняющий в радикальной сути делаемых предложений: это — лишь *частная возможность* в осуществлении непрекаемо-справедливого плана, — он реализуется, если царь «страшится, не хочет страшного суда народного, — ужаснейшей в свете предстоящей русской революции...». А если не страшится? Ответ ясен. Уступок в этом случае не предполагается, принципиальных изменений не вносится: подлинным властителем является не царь, а народ. Исторические сопоставления призываются теперь для доказательства именно этого положения: в XVII в. «областные общины» сначала «избрали царя», а потом «выразили свое демократическое раскаяние и отрицание царя и его учреждений бунтами Стеньки Разина...». А Разина Щапов понимает как *противника* царя, — Разин призывает «избавить бояр», он «постоянно повторял своим сподвижникам: „Я не хочу быть царем — хочу жить с вами как брат“...».

В рисуемой Щаповым новой общественной системе земля считается всенародной собственностью, а не достоянием прогнившего дворянства. Щапов стоит, по собственному признанию, на стороне «принципа древнерусской общинности — всенародной принадлежности земли». Это очень важная сторона его социальной программы.

Совсей страстью своей натуры Щапов борется против разлагающегося дворянского строя, против дворянства, поработившего русский народ. Он восторженно цитирует слова Радищева о бурлаке, обогрившем кровью, который многое может решить доселе гадательное в истории российской. Он находит слова радищевской силы для разоблачения сидящего в карете дворянина: «Князь ошибся, не написавши вместо *зависть* — *ненависть*, — потому что в карете сидит прегордый, превельможный сиятельный...» тиран-кровопийца, человекоубийца, Бирон крестьянства, враг свободы,

равенства и братства...», которому ненависть кричит вслед за каретой слова о том, что он деспот, о том, что народный вздох, им слышимый, есть «последний ох» дворянского деспотизма.

Исключительный интерес представляет упомянутый в письме Щапова лозунг созыва Всенародного Земского собора, имеющего функции Учредительного собрания. Всенародный Земский собор, по Щапову, должен навсегда покончить с дворянским строем крепостнической России. «Я готов умереть за эту мучающую меня мысль об общинном народосоветии, о земском — областном и союзном народосоветии», — пишет Щапов Вяземскому. «Я говорю и буду говорить до смерти или до каторги одно: конституция русская не может быть сочинена ни новым Сперанским — гением бюрократическим, ни новым Муравьевым или Пестелем — неспелым, односторонним гением 14-го декабря, ни одним Искандером, — никем. Она должна быть создана, организована самим народом, излюбленными выборными умом народным, кого — скажу старинным народным словом — кого меж себя излюбят и выберут»⁷.

Щапов с полной ясностью отдаёт себе отчет в революционном характере своих замыслов, — он знает, что он идет «не к Искандеру» (то есть не имеет намерения эмигрировать за границу), «а в могилу Радищевых, Рылеевых...».

Чья-то дружеская рука (или руки?) удержала Щапова от отсылки молодому Вяземскому написанного письма. Вместо перспективы глухого мученичества и гибели — ему указали на возможность анонимной огласки его идей через заграничную трибуну свободного слова. Сюда, в лондонский центр, и направилась копия с письма Щапова⁸. Конечно, она не могла быть в этом виде опубликована. Щапов одновременно стал перерабатывать письмо в статью «О русском дворянстве». Друг Щапова Н. Я. Аристов, хорошо знавший всю историю с письмом, свидетельствует: «... он придал ему общий характер, начал развивать и дополнять свои мысли о русском дворянстве, собрал много исторических данных, и таким образом статья разрослась впоследствии в большое историческое исследование, которое Щапов предназначал к печати. Но в какое издание он ни обращался с ним, нигде оно не было пропущено цензурой».

Публикуемое письмо, разумеется, не является этой обширной, законченной статьей. Против этого говорит сохранение в нем элементов прямого обращения к адресату (начальное обращение «Князь! Павел Петрович!», последующее неоднократное обращение «Князь!», прямое упоминание: «Ничтожная выходка *вашего отца*» и т. д.). Исторический элемент письма весьма значителен: тут характеристика роли земских соборов, ряда течений раскола, движения Разина и Пугачева, подробный анализ социального лица русского дворянства и его взаимоотношений с угнетаемым крестьянством. Но все же это не снимает с публикуемого текста характера личного письма. Может быть, Щапов хотел под общим заголовком «О русском дворянстве» опубликовать целую серию писем к Вяземскому? На такой замысел может намекать лишь упоминание самого Щапова о намерении написать еще одно письмо. Но свидетельства друзей, бывших в курсе дела, не сохранили для нас доказательств реализации этого плана. Самое обещание написать еще одно письмо скорее говорит за то, что перед нами — не законченная статья, а именно первоначальное письмо. Текстом законченной статьи Щапова «О русском дворянстве» мы, к сожалению, не располагаем.

Особо ценно свидетельство Н. Я. Аристова о том, что Щапов сделал письмо достоянием гласности — «читал его нередко своим знакомым»⁹. Мы можем поэтому говорить и об агитационной функции публикуемого документа — идейного памятника рукописной литературы шестидесятых годов. Его агитационная сила должна была быть значительной.

В аспекте общественного значения памятника и его дальнейшей судьбы важно проследить, какой путь проделало письмо Щапова, попавшее в герценовский архив. Восстановить этот путь можно на основании заслуживающих внимания свидетельств. Вопрос этот нельзя разрешить без другого: как относился Щапов к тайным революционным организациям шестидесятых годов и имел ли с ними связи?

Щапов рано был замечен и идейными руководителями революционно-демократического движения шестидесятых годов и массой передовой разночинской молодежи. «Современник» поместил резкий критический разбор работы Щапова «Русский раскол

старобрядчества», начало которой печаталось в 1857 г. в «Православном собеседнике», а вся работа в целом вышла в Казани в 1858 г. отдельным изданием. Добролюбов предложил тему рецензии и написал ее вступительную часть, основной же текст был написан М. А. Антоновичем (это было его первое выступление на страницах «Современника»). Суровая критика «Современника» была вполне справедлива: смесь церковных воззрений с либеральными взглядами, явно выраженная двойственность и колебания характеризовали позицию молодого автора. Рецензия носила острое заглавие: «Что иногда открывается в либеральных фразах?». «Современник» оказался воспитателем Шапова. Он сурово и последовательно проанализировал противоречия в его работе. Н. Я. Аристов свидетельствует, что этот критический отзыв «сильно отрезвил» Шапова и заставил его «глубже вдуматься во внутреннюю жизнь раскола» и побудил заниматься «более строгим и осмотрительным образом». Шапов «окончательно бросил приемы, усвоенные им и любимые духовным начальством», и стал вырабатывать «точное научное направление»¹⁰.

«Современник» и позднее пытался оказать воспитательное воздействие на Шапова. Об этом свидетельствует не пропущенная цензурой статья Н. В. Шелгунова «Русское слово (журнальные споры)» (помета цензора на гранках статьи о ее запрещении датирована 15 февраля 1862 г.). Статья Шелгунова была отчасти направлена против работы Шапова «Земство и раскол», появившейся в «Отечественных записках» 1860 и 1861 гг. Шелгунов с достаточной ясностью, в плохо защищенной от цензуры форме проводит в статье мысль о необходимости революционной борьбы народа. Вместе с тем статья эта — страстная борьба за Шапова, воспитание его, полемика с идеализацией земских соборов. Шелгунов полагает, что народ не проявлял в старые времена истинной силы в борьбе, а лишь писал к царю челобитные и «вопиял» о своих нуждах. «Нельзя же только вопиять и больше ничего», — восклицал Шелгунов¹¹. Заметим, что весь круг «Современника» в то время уже знал, как высоко оценивал Шапов движения Разина, Пугачева и вообще активную борьбу народа. Поэтому вопрос Шелгунова мог и не иметь исключительно «шаповского» адреса: это была прежде всего проповедь крестьянской революции, столь нужная для «Современника», общеагитационное значение этой не пропущенной цензурой статьи вне сомнений. У Шапова были расхождения с кругом «Современника», — он идеализировал формы старорусской земской жизни, рассматривая церковь как защитницу простого народа от угнетения, — но сходилась в основных вопросах социально-политической программы: в признании земли всенародной собственностью, в решительном, бескомпромиссном протесте против крепостного права, в отрицании самодержавия, в признании народа основной движущей силой истории.

Герцен также рано обратил внимание на работы Шапова. 8 ноября 1858 г. Шапов произнес речь на акте в Казанской духовной академии, посвященную отношению церкви к крепостному праву. Позже речь его была напечатана в качестве статьи (без подписи автора) в январской книжке «Православного собеседника» 1859 г. и издана в Казани отдельной брошюрой в том же 1859 г. под заглавием «Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей». Статья идеализировала церковное отношение к несвободным людям, — Шапов в ту пору еще был во власти церковной идеологии, — но зато он правдиво и взволнованно, с большим знанием дела рисовал положение поработанного крестьянства. Герцен ошибочно предположил, что автором работы является архимандрит Казанской духовной академии Иоани, известный своим либерализмом. Когда анонимная статья Шапова подверглась клеветническому нападению со стороны кавказского епископа Игнатия Брянчанинова, мигом учувшего в ней вольный дух, Герцен выступил против «возмутительного памфлета» Брянчанинова с известной статьей «Во Христе сапер Игнатий», где писал: «Цель памфлета <Игнатия> состоит в христолобивом доносе на архимандрита Казанской духовной академии Иоанна, поместившего „Слово об освобождении крестьян“ (в январской книжке „Православного собеседника“)»; цель доносчика — «в благочестивом рвении доказать, что рабство — установление божественное, святыми отцами православной церкви поддерживаемое, благоверными царями упроченное». Общее сочувствие Герцена направлению и тону статьи Шапова, защищающей крестьянство, не вызывает сомнений¹².

Письмо Шапова

к

Кн. Вяземскому.

Переписано 7-го янв. 62.

ПИСЬМО А. П. ШАПОВА к П. П. ВЯЗЕМСКОМУ ОТ 8 ОКТЯБРЯ 1861 г.

«Список, сделанный для Герцена. Обложка с пометой неустановленной руки: «Переписано 7-го янв. 62»

«Софийская коллекция»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В ноябре 1861 г. Шапов начал преподавание в Казанском университете и сразу стал кумиром демократической студенческой молодежи. Он горячо полюбил ее и принял живейшее участие в делах, ее занимавших. В публикуемом письме к Вяземскому Шапов пишет о «святой принадлежности к университету», а преподавание в нем называет «самым дорогим благом»; студенчество для него — «полножизненное, мыслящее поколение». Нет сомнений, что он был осведомлен и о конспиративной политической жизни революционно-демократической разночинской молодежи, которая была особо активной в Казани: это видно из его слов, сказанных казанским студентам сейчас же после первых вестей о безднинских событиях: «Ну вот вам и деятельность! Вы только собираетесь заводить по деревням своих агентов, закупаете шрифты и даете литографические станки, а жизнь-то бьет своим обычным ключом»¹³. Как известно, некоторые казанские студенты и направились в село Бездну в связи с начавшимися там народными волнениями,— может быть и воздействие Шапова оказало тут свою долю влияния на действия студентов. В этой связи замечательно, что речь Шапова на Куртинской панихиде по убитым крестьянам не была импровизацией или случайным необдуманном порывом: она была заранее намечена и подготовлена. Об этом свидетельствует биограф и друг Шапова Н. Я. Аристов («Шапов *вызвался* приготовить и сказать приличную случаю надгробную речь»)¹⁴. Известно, что речь сначала была написана Шаповым. Заметим, что новые архивные данные свидетельствуют об участии Шапова в конспиративных студенческих кружках и о его советах студентам работать над политической программой.

По свидетельству М. Д. Муравского, Шапов хотел учредить общество для распространения грамотности, организации сельских школ, крестьянских даровых библиотек и школ для приготовления учителей,— как видим им была задумана целая система просветительных учреждений для народа¹⁵.

Член Центрального комитета «Земли и воли» шестидесятых годов А. А. Слепцов передавал М. К. Лемке, что Шапов в конце 1861 г. принадлежал к тайной организации «Библиотека казанских студентов». В этом можно усомниться, так как упомянутая организация находилась в Москве, где Шапов был в 1861 г. лишь проездом в качестве арестованного. Но не является ли это неточное свидетельство отголоском связи Шапова с какой-то другой *казанской* студенческой организацией, связанной с «Библиотекой казанских студентов»? Название же организации престарелый Слепцов мог спутать во время разговора с Лемке. Это предположение имеет свои основания, так как о раннем образовании в Казани студенческих организаций и об их тесной связи со Шаповым известно со всей точностью. Кроме того, «Библиотека казанских студентов», пребывавшая в Москве, имела тесные связи с Казанью¹⁶.

Безднинские события и речь на Куртинской панихиде сделали имя Шапова широко известным в передовых кругах, сосредоточили на нем внимание Герцена и Чернышевского. Существенно замечание Слепцова, передаваемое Лемке, о том, что Шапова знал и Огарев. Чернышевский принял самое горячее участие в хлопотах по смягчению участи Шапова после его ареста¹⁷. Осенью 1861 г. как раз в период организации «Земли и воли» Шапов получил от Герцена письмо (к сожалению, до нас не дошедшее), где издатель «Колокола» приветствовал его «чистый и могучий голос», который «глубоко западает в душу». Подробного содержания и повода письма мы, к сожалению, не знаем¹⁸. К весне 1862 г. относится и длительная беседа Шапова с Чернышевским, споры их о каких-то острых вопросах, выявившие не только некоторые расхождения во взглядах, но и совпадающие воззрения, поскольку в результате беседы Шапов стал готовить статьи для «Современника». Учитывая все эти связи, надо с большим вниманием отнестись к свидетельству Н. Я. Аристова о факте приглашения Шапова в это время вступить в организующееся в Петербурге тайное общество, каким могла быть только возникшая в середине 1861 г. «Земля и воля». «Раз зашел разговор о значении тайных обществ в его присутствии; передавали, что в Петербурге учреждается такое секретное общество; он все время молчал и глубоко размышлял о чем-то. Но когда ему предложили вопрос: „Не желает ли он быть членом тайного общества“, он высказал определенно свой взгляд: „Я думаю, что теперь пора тайных обществ миновала, прежде они могли приносить много пользы, чему разительным доказательством служит

Ваше Высокопревосходительство

Ваше Высокопревосходительство
Ваше Высокопревосходительство
Ваше Высокопревосходительство

Ваше Высокопревосходительство
Ваше Высокопревосходительство

ПИСЬМО А. П. ШАПОВА к П. П. ВЛЕЗМСКОМУ ОТ 8 ОКТЯБРЯ 1861 г.
Список, сделанный для Герцена 7 января 1862 г.

Листы первый и последний
«Софийская коллекция»

деятельность Н. Ив. Новикова; ну, а в настоящее время, кажется, можно принести более пользы, оставаясь явным членом образованного и деятельного общества, чем тайным. Надо говорить только просто, ясно и откровенно, без ужимок, и дело делать начистоту, от полноты убеждения». «Однако, — продолжает Аристов, — он скоро изменил свой взгляд на современное значение тайных обществ в России, когда стали уничтожать воскресные школы и закрыли „Шахматный клуб“»¹⁹. Если Щапов уже в Казани был связан с подпольными студенческими организациями, то первую часть свидетельства (отказ признать пользу тайных обществ) надо взять под сомнение. Но даже если дать ей веру, подчеркнутая часть свидетельства — перемена мнения Щапова о тайных обществах, относимая по словам Аристова к середине 1862 г. (в июне был закрыт Шахматный клуб), — должна приковать внимание исследователя. Аристов, всячески стремящийся нарисовать облик Щапова как «академический», далекий от революции и даже чуждый ей, — вдруг вынужден признать три существенные факта: 1) приглашение Щапова вступить в члены тайного общества в Петербурге во второй половине 1862 г. (то есть в «Землю и волю»); 2) первоначальный отказ от вступления и 3) последующее изменение позиции в 1862 г. Если последнее означает, что Щапов вступил в состав «Земли и воли» в середине 1862 г., то он мог пробыть ее членом до конца существования организации, самоликвидация которой относится к началу 1864 г. Щапов был в это время в Петербурге. Однако активным ее членом он быть едва ли мог, так как находился в это время под правительственным наблюдением (весной 1864 г. Щапов был выслан в Сибирь).

В этой связи привлечение Щапова ко второму делу — к процессу о сношениях с лондонскими пропагандистами (то есть к тому же делу, по которому был привлечен Чернышевский) — приобретает особый интерес. Член «Земли и воли» А. И. Ничипоренко, арестованный по этому же делу в 1862 г., дал показания, что переслал в Лондон к Василию Кельсиеву письмо от Щапова. Через несколько дней Ничипоренко внес поправку в показание: письмо Щапова было адресовано не Кельсиеву, как показал Ничипоренко раньше, а П. П. Вяземскому в ответ на его стихотворение «Заметка» в «Русском вестнике». Щапов на допросах категорически отрицал показание Ничипоренко и, хотя и был оставлен следствием в сильном подозрении, уличен быть не мог. Документ «софийской коллекции», публикуемый нами, вносит ясность в вопрос: да, письмо Щапова к Вяземскому было отослано Герцену и было им получено. Дата снятия копии письма — 7 января 1862 г. — также соответствует свидетельству: Ничипоренко был в это время в России и мог переслать к Герцену письмо после этой даты. Таким образом пересылка Герцену письма Щапова к Вяземскому осуществлена членами «Земли и воли» шестидесятых годов²⁰.

Конечно, публиковать такое письмо Герцен не мог: оно окончательно погубило бы Щапова. Но, имея в руках такой яркий агитационный документ, лондонский центр получал представление о политических установках Щапова и о настроениях передовых людей внутри России. Интерес Герцена к Щапову приобретает для нас в связи с этим глубокий истолкование. «Читал ли статью Щапова в „Отечественных записках“?», — спрашивает Герцен И. С. Тургенева в письме от 20 февраля 1862 г., имея в виду статью Щапова «Земство и раскол». Едва ли не в связи с этим Тургенев летом 1862 г., по собственным словам, «потрудился над Щаповым (истинно потрудился)», знакомясь с его представлением о земстве. Вероятно, сочувственное отношение Герцена к этим произведениям Щапова и вызвало полемические замечания Тургенева в переписке со своим лондонским другом («Земство <...> в щаповском смысле непонятно ровно ста мужикам из ста»²¹). В работе 1864 г. «La nouvelle phase de la littérature russe» («Новая фаза русской литературы») Герцен тепло рассказывает о выступлении Щапова на панихиде по жертвам Бездинского восстания. Работа была написана на французском языке и адресовалась к широким кругам передового общественного движения Западной Европы²².

Письмо Щапова к Вяземскому — новое, доселе не известное произведение выдающегося историка-демократа — должно по праву занять значительное место в его литературном наследии. Оно представляет интерес как для историков русского общественного движения, так и для изучения русской исторической мысли.

ПИСЬМО ЩАПОВА К КН. <П. П.> ВЯЗЕМСКОМУ

Переписано 7-го января 62.

Князь Павел Петрович! ²³

Я демократ, друг федеральной союзной общинно-демократической конституции русской, во имя демократа Христа и демократа-мужичка Антона Петрова, за кровь, за свободу мужичков и всего народа, дерзнул сказать в собрании молодого поколения:

«Да здравствует, да будет общинно-демократическая конституция!»

Слово это я нарочно сказал в церкви, вопреки всех византийски-ортодоксальных, жреческих, народозатемнительных и народообязательных обманов и сумасбродств; вопреки всем императорски-глупым централизационно-законодательным немецким поправам Воли и Правды народной славяно-русской. Куртинская панихида ²⁴ за кровь и свободу крестьян, совершенная молодым поколением, была погребальной панихидой старой России, императорской, княжески-помещичьей, народограбительной, народогонительной, народозатемнительной...

Собрание молодого поколения в церкви, отрицающего византийскую церковь, вместе с народной беспоповщиной, купеческой, крестьянски-мещанской и бегло-солдатской, вместе с бегунами ²⁵, Никитами Семеновыми, Евфимиями, крестьянскими Радищевыми, Рылевыми, Искандерами — это собрание молодого поколения в церкви, его вдохновенно восторженная общинная, дружная, союзная песнь на похоронах старой России, у могилы убитых правительством крестьян были просветом, проществом, прообразом нашего общинно-демократического, союзного, федерального, земского *Народосоветия*, накануне которого мы живем и о котором помышлял *первый крестьянин* — Посошков. Это собрание молодого поколения представляло прообраз русской общинно-демократической *агапы*, схода, союза, совета, — того союза и совета, который, начинаясь в селах с *сельского мира*, возрастет в волости в *волостной сход*, а в городах начнется с *городового схода* или всегородской думы, *Веча*, потом возрастет органически из *излюбленных*, выборных от волостных и городских сходов в *областной земский совет* и достигнет высшего общего, цельного выражения в лице *излюбленных*, выборных от всех *областных земских советов в общем федеральном союзном совете* (сходе или съезде). Это будет общинно-демократический земский мир — совет, союз, тот совет и союз, которого хотели наши областные общины во времена нашей древней земской революции, в смутное время, когда на областных земских советах порешили быть в *любви*, в *совете* и в *соединении*; избрали царя с ограничительной записью, каковая уложена была на *Совете всей земли*, и потом выразили свое демократическое раскаяние и отрицание царя и его учреждений, бунтами Стеньки Разина, демократическим развитием раскольничьей общины, *Согласа*, Советов, как, например: *Согласы* и *Советы бегунов*... Византийские свечи в руках молодого поколения были русскими свечами народного просвещения, просвещения масс, инициатива которого выразилась на первый раз в византийской форме воскресных народных школ...

Князь! Я, не гонясь за благами дворянства, а гонясь за *голытьбою за кабацкою* Стенок Разиных, Радищевых, — я сказал свободное слово об *общинно-демократической свободе*, и за то пострадал — лишился самого дорогого блага: преподавания русской истории в университете, общения с молодым, полножизненным, мыслящим поколением, оторвался от святой принадлежности к университету, на который я смотрю как на голову — разум в организме народном. И несмотря на все лстящие, *подлые* интересы *временно-обязанной* принадлежности к Министерству внутренних

дел, я еще больше, чем когда-либо, готов пострадать за то, чего я желаю народу, или, лучше сказать, за то, чего требует сама, *вся горькая, вопиющая жизнь русского народа*, — разнообразных областных общин, забитых императорско-министерско-губернской централизацией, я готов умереть за эту мучающую меня мысль *об общинном народосоветии, о земском — областном и союзном народосоветии*. Я говорю и буду говорить до смерти или до каторги одно: конституция русская *не может быть сочинена* ни новым Сперанским — гением бюрократическим, ни новым Муравьевым или Пестелем — неспелым, односторонним гением 14-го декабря, ни одним Искандером, — *никем*. — Она *должна быть создана*, организована самим народом, излюбленными выборными *умом народным, кого — скажу старинным народным словом — кого меж себя излюбят и выберут*. Сам народ в смутное время, согласившись предварительно на областных *земских советах*, быть всем областным общинам тогда разрознившимся, *быть в любви, в совете и в соединении*, — т. е. в федеративном союзе и совете, сам народ избрал царя на *великом московском земском совете или Соборе*, который был результатом *областных земских советов*, результатом так называемого *схода всех городов под Москву*. Сам народ дал царю *запись, какова уложена была по Совету всей земли*, запись, ограничительную для единодержавия. Запись эта была нарушена первым Алексеем Михайловичем и окончательно сыном его Петром I — гением немецко-русским, первым императором, первым нарушителем естественно-исторического развития и определения *правды русской — правды народной*, и сочинителем *правды — воли монаршей*. Петр I во имя идеи *сочиненного, по-немецки отвлеченного государства*, создал вместо развития и усовершеншения устройства *земского собора Сенат и Коллегии*, вместо наибольшего объединения и развития *Земства* своей табелью о рангах и ревизией душ разьединил земство, создал чины и чиновников, со всей их бюрократией, вместо правильного продолжения (если уж он, по раскольниковскому учению, из царя, избранного народом, *император наречеся*) древнерусского *земского устройства*, вместо поддержания и развития принципа древнерусской общинности, всенародной принадлежности земли — он своим непонятным, задуманным и не конченным геометрическим размежеванием земли, своим введением вместо писцовой поземельной переписи, ревизии душ, переписи и приписи людей к земле, кто где жил, для службы отвлеченной идеи государства, — разьединил, разобшил, разделил самую землю, сделал ее помещичью или крепостною, дворцовою или удельною, государственною или казенною, т. е. царскою; вместо определения прав и средств свободного самообразования и саморазвития всего земства-народа — он заставил учиться одних дворян и детей боярских, дворянских для службы отвлеченному, немецки-сочиненному государству и одних церковников и церковнических детей — и таким образом создал касты дворянскую, чиновническую и духовную: произвел сословное разьединение земства, довершенное окончательно табелью о рангах и расписаньем народа по разным родам сочиненной отвлеченно государственной службы. Все эти ошибки Петра I произошли оттого, что он наперед съездил в Западную Европу, за границу, а не объехал наперед Россию, да и оттого, что еще при отце завладели воспитанием царских детей *немцы* — исторические враги славян и в Западной Европе, и, следовательно, славяно-русского народа ..

Все эти ошибки сделал Петр I в своих реформах — и начали преобладать над *земством*, над народом, четыре сословных касты: солдатство, дворянство, духовенство и чиновничество. Жизнь земства, массы народной, тотчас, при первом преобразователе-сочинителе Петре I, тотчас же ощутила ненормальность, неестественность отвлеченных реформ Петра. Вместо временного кипучего бунта Ст. Разина — Раскол с своими Согла-

стикой приклада и всего, про что скажет только умный солдат, — *управлявшая престолом** — *жандармами*, гнавшая, давившая живую свободную мысль, самосознательное живое народное слово и пр. ... Эта военная каста, стража самодержавия императорства, самое отборное, обритоое, вооруженное зло для свободной жизни народа, истины, мысли, слова, для народного самоуправления и саморазвития... От этого вопиющего зла бежал *бегун* и создал великий демократический *соглас* оппозиционный всей системе императорского совета и правительства... Наконец, каста *чиновничья* императорски-министерско-губернско-бюрократическая, — каста жалких, чернильных, бумажных, бездушных скрипачей-борзописцев — живого слезно-вопиющего горя народного, — каста бесчувственной бумажной брани над народом, над его вопиющим горем и т. д. — эта каста немецкая, отвлеченная от жизни русского народа табелью о рангах, крючкодейственными злодействами своими, воспитала в народе ненависть ко всякому *светлопуговичнику*. И зато народ всегда кричал: «Избивать начальных людей!» «Мужик потерпел, потерпит, — говорил умный мужичок из села Павлова, Иван Васильев, — да беспременно возьмется за начальство, беспременно перестреляет их».

Кричал, вопил народ от всех этих созданных Петром каст народного угнетения и насколько мочи было терпел, выжидал, авось не обдумается ли, не обрусее ли немецкий царь, — ждал в лице немца Петра III своего искупителя, освободителя и при великой революционерке²⁷, чудесно и непостижно восшедшей на престол, по лъстивому, верноподданническому выражению Бецкого, увидел, что льготная, дворянская хартия дана Петром III и Екатериной II только дворянству, вельможеству, княжечеству, помещичеству. И вот все ожидания, все терпение народа, масс народных, лопнули: явился *Пугачев*, пугнул забывшихся, и народ, забывший двор разврата и шумной роскоши, заявил о демократической народной партии... На пути в Иркутск ссыльный демократ-мужик, называя** народным *Христом*, плотно пожимая руку встречному Пугачеву, сказал два только слова: «Против антихристовой церкви — и против антихриста-царя!». А в то же время *беглый солдат Евфимий*²⁸, из переяславских *мещан*, учит массы: «Петр I антихрист, раскольник, народная перепись или ревизия душ, разделение человека по чину (табель о рангах и касты сословные), размежевание земель, рек и усадеб (отвлеченно геометрическое размежевание жизненно-общей, всенародной земли, учреждение цехов) — *новшества* антихриста Петра I, сенат и совет государственный, антихристов совет, синод — жидовский синадрон, в судах судят по злату да по серебру запов *кривосказательных книг* — в губерниях, в областях *все лихоимцы грады содержат, не в милосердии* в городах первии, и т. п. и т. п. Учение бегуна Евфимия и его сопутных... сильно, живо распространилось в массах народных, во крестьянстве, мещанстве, беглом солдатстве и купечестве, в то время когда сердечный Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» выл, стонал и во сне видел какую-то *странницу*, обличающую царя с вельможеством, княжески-помещичьим и княжески-бюрократическим²⁹. И теперь это учение бегуна Евфимия сильно распространяется народными странствующими учителями, гениальными по-своему, Никитами Семеновыми, распространяется в крестьянстве, мещанстве, купечестве и беглом солдатстве. Купцы, проис-

* Даже граф Воронцов в записке к царю Александру I заметил: «*Доселе де в России солдатство престолом управляло*». В III Отделении, столице жандармов, в одном из разговоров с жандармами, один жандарм из крестьян казанских, на вопрос мой, в какой форме ходит царь, — ходит ли в сюртуке, ответил: «Нет, — даже на вопрос часового: кто идет? с гордостью отвечает: „Солдат“». — Прим. Шапова.

** *Переделано из: называвшийся народом. Над этими словами и двумя следующими чернилами поставлены вопросительные знаки.*

шедшие из крестьян, поселившиеся в городах, и богатые крестьяне и мещане, эти жилые мирские бегуны, как они себя называют, пристанодержатели, капитальные помощники народных, земских, странствующих учителей демократизма. — В известных, по делам Министерства внутренних дел, городах и селах, у них, у бегунов, свои сходы, согласы, советы, на которых выборные их совещаются...* и всего согласы бегунов*...

Да, князь, демократизм живет в народе и как еще умно и деятельно распространяется! Мы, *воспитывавшиеся* или *учившиеся* у папашей ли, в училищах ли, за границей ли, мы многое знаем, но не знаем *русского народа*, того народа, о свободе которого все мы мечтаем: и аристократы, и демократы, и лакеи... Масса народная самая жизненная, земство отрицает немецкое петровское устройство всероссийской империи, *отрицает* царя со всеми его централизационно-бюрократическими учреждениями, *отрицает* вельможество, княжество со всем его помещичеством... народ *бежит* даже вместе с бегунами от всего этого... куда же он бежит? — *Отрицая* всероссийскую империю и церковь, чего *положительного* он хочет? — Во времена бирюзовщины, демократические партии народа тысячами бежали за границу — а ныне *бежит* внутри России... *бежит!*.. и на пути, дорогами по селам и городам, и на суде, все еще одно говорит: «Отрицаюсь от великороссийской церкви, от царя и всех его установлений. А когда придет время, бороться буду с ним, с антихристом-императором, и теперь борюсь с ним противлением и неповиновением его законам».

Князь! Вот первая историческая народная дума, которая мучит меня, заставляет бежать от всяких подлых интересов и искательств, для того чтобы *заслужиться* или *нажиться*, заставляет гнаться не за благами великокняжеского дома, а за *голытьбой* за кабацкой, за *бегуном*-крестьянином, за бегуном-мещанином, бегуном-купцом, беглым солдатом, бежать не дальше могилы, не к Искандеру, а в могилу Радищевых, Рылеевых... Да куда ты бежишь, сумасшедший, — скажете вы, князь, мне, демократу, — чего ты хочешь?

Я бегу за бегунами крестьянскими, мещанскими, купеческими, беглосолдатскими, и за бегунами просвещенного либерализма социально-демократической конституции — Искандерами, отрицаюсь императорства, централизации, вельможества и княжески-помещичьих уделностей и хочу федеральной или союзной общинно-демократической конституции, *земского народосоветия*; жду его от самого народа, и говорю, что народ теперь и давно способен к нему... *Сам народ* на земском соборе избрал царя и ошибся в выборе: цари обманули его и вызвали в массах земства Разиных, Пугачевщину, мощную, живучую оппозиционную общину раскола, в людях образованного молодого поколения вызвали *декабрьщину* и *матрикульщину*³⁰. Следовательно, сам народ в праздник тысячелетия³¹ должен или сам сойтись или неотложно и немедленно быть созван царем на новый земский собор и отречься от императора и централизации — дать автономии Польше, Украине, Великороссии, Сибири и всем провинциям, и создать федеративную социально-демократическую конституцию, союзное, общинно-демократическое земское народосоветие. — Князь! Если царь страшится, не хочет страшного суда народного — ужаснейшей в свете предстоящей русской революции, — он должен сам созвать в *сельских мирах* — сельские *волостные сходы*, для свободного обсуждения и правильного решения вопроса сельского самоуправления, самоуправления и саморазвития. В *городах* — *городовые сходы* или всегородные

* Пропуск в рукописи. — Ред.

думы для обсуждения и устройства городского, общинного самоуправления и самосуда; в главных губернских или областных городах, какие выберут сами областные общины, должен созвать из выборных от волостных и городских сходов областные земские советы или съезды для установления общинно-социального земского народосоветия и самосуда; из выборных от всех областных земских советов или союзов должен быть созван общерусский великий союзный или федеральный земский совет, съезд, собор. Предоставив областным советам и союзному федеративному земскому собору создать русское земское общинно-демократическое народосоветие, — царь, естественно, должен отречься от самодержавия. Князь! Князья и бояре также должны отречься от своих исключительных олигархических притязаний. Вся история русская доказывает, что в России сельский и общинно-демократический элемент всегда преобладали над боярством; переход дружины из одной земли в другую, из области в область вместе с удельными князьями не дал безземельной, подвижной дружине древней России развиваться, установиться в настоящую землевладельческую аристократию, как было это в Англии. В то время как дружины вследствие своей подвижности и неприкрепленности к земле не могли организоваться в землевладельческую аристократию, организовать твердую аристократическую конституцию, в то время свободно развивалось самое многочисленное сельское народонаселение и путем вольнонародной *мирской* земледельческой и торговой промышленности, колонизации, организовало вольные демократические общины с своим самоуправлением. В сельских общинах вследствие свободного перехода народонаселения и развития начал общинно-демократического самоуправления и самоуправления развивался и укоренялся тот демократический противобоярский дух, который после, в XVI, XVII, XVIII столетиях, часто обнаруживался в разных демократических бунтах сельских общин и доселе живет в большей половине крестьянства, несмотря на всю чиновную крепостную и казенную деморализацию и забитость его. Этот-то вольный, буйный, общинно-демократический дух, развившийся и окрепший на просторе средневековой вольности, в эпоху разгула материальных сил и средств и отсутствия сословного разединения земского, этот-то дух у нас был всегда противен аристократической княжеско-боярской исключительности и притязательности. Как бы ни обнаруживало дворянство свое стремление к преобладанию над земством, в форме ли удельного княжеского вельможества в борьбе с Иваном Грозным, или олигархического *боярства* в Смутное время, когда бояре замыслили разделить Россию на уделы; или в лице временщиков вроде Морозовых и тьмы прочих; или олигархического шляхетства во время попытки Волюнского в 1730 г.; или привилегированной дворянской грамотой, напудренно-чванной, эгоистической аристократии екатерининских времен, вроде аристократической попытки Панина; или аристократического совета, вокруг Александра I, с идеею аристократической конституции, — одним словом, в какой бы форме ни проявлялась исключительная притязательность нашей физиологически сгнивающей генеративной, родовой, столбовой аристократии, — она всегда встречала преграду в общинно-демократическом духе масс народных. Оттого и были всегда неудачны исключительные аристократические замыслы, которые скорее угрожали земству олигархией, чем способны были создать какую-нибудь аристократическую конституцию наподобие английской, вовсе не идущей к нашему народу. Во время борьбы грозного царя с удельно-княжеским вельможеством и олигархией, демократические общины требовали себе свободы от бояр-наместников и волостелей, и выбрали своих излюбленных земских старост и чиновников и целовальников. В смутное время, без царя, все областные демократические общины, на своих област-

ных земских советах, единогласно порешили: «А бояр бы нам не хотеть — против бояр стоять обще за один». Во время господства при царе Алексее Михайловиче временщиков Морозова и Милославского по городам и волостям поднялись бунты против бояр, во всю 2-ю половину XVII столетия постоянно раздавались крики масс: «Избивать бояр». Ст. Разин постоянно повторял своим сподвижникам: «Я не хочу бырт царем — хочу жить с вами, как брат, — и я иду только истребить бояр, дворян и приказных людей». Атаман Носов, заводчик астраханского бунта, провожая гостей, завещевал: «Идите и управляйтесь с князьями и боярами, а на весну и мы к вам будем». Пред стрелецким бунтом, по словам одного хронографа: «Сердца народные были сильно опечалены и тоскою исполнены, от неправд вельможей и временщиков; и голос народный носился такой, чтобы избивать бояр». Пугачев шел тоже истреблять бояр, как он называл дворянство. При Николае, во время Новгородского бунта 31-го года, бунтовщики тоже грозное слово говорили: «Нам нужно, чтобы вашего козьего дворянского племени не было»³².

Вот как народ, земство, смотрело и смотрит на вельможество, дворянство, и вот чем грозит оно боярству, княжеству. После этого, что значит, князь, новая ничтожная выходка вашего отца, князя Вяземского, какой смысл имеет она после вековой исторической песни земства избивать бояр?..³³ Нет, нет, я не князь-поэт, и не поэт из демократов, а в насмешку стихам вашего отца отвечаю вам стихотворением, сочиненным заранее, и не в княжеских палатах, а в каменных палатах III Отделения:

ПАМЯТНИК НА МОГИЛЕ
А. П. ЩАПОВА В ИРКУТСКЕ

Фотография, 1956 г.

Пусть льют и пьют аристократы
 Шампанское за кровь, за расстреляние крестьян.
 Мы—друзи сельских общин, демократы,
 Мы за свободу, жизнь, права селян;
 В России не было и нет аристократии,
 Весь ход, закон истории — другой,
 Закон союзной общей демократии,
 Советов областных поруки круговой.
 Давно советы земские решили
 Бояр одних в правление не хотеть,
 И всей землею положили
 В союзе и в любви совет иметь.
 Равенство прав и средств развитие —
 Вот путь природного призванья,
 Талантов в пользу общежитья
 Цена труда и дарованья.

Генеративная, родовая, геральдически-замкнутая аристократия мне кажется аномалиею, не только историко-политической, но и физиологической, без прилива демократической крови она изгнивает внутренно, умирает. Напротив, общинно-демократическое равенство прав и средств или общественных условий развития и социального значения личностей — природою данных мозгов, — вот истина естественно-народная, закон социального развития человеческой природы. При общинно-демократическом равенстве прав и условий развития и общественного значения данных природою мозгов или способностей разных личностей возможно, естественно и необходимо для разнообразия и движения прогресса — одно только неравенство — неравенство дарований или сил, степени их саморазвития и самообразования и их социальных действий и заслуг.

Я не вхожу в подробный анализ общинно-демократического равенства. Это слишком удалило бы меня от главной цели моего письма. Князь! я хотел бы разобрать все стихотворение вашего отца, но отлагаю до другого письма. Теперь замечу только: ваш отец, между прочим, укоряет молодое поколение Белинского и его братию в пьянстве, в зависти каретам... Да! Человек кипучей, могучей русской крови, которую не могут отравить ни ненавистный царский кабак, ни откупная водка, пьет горькую, вонючую, — чтоб только не пить сладкого, шипучего — царско-княжеского, — пьет горькую, чтоб только жить, мыслить, страдать и петь с горя от царской водки и от царской воли, вместе с вопиющим Горем-злосчастьем, старорусским, народным, появившимся в XVII столетии — вместе с государевыми, царевыми кабаками да с государевой царевой волей, без воли народной. Сама правда воли монаршей — Петр I — пил горькую, и народ тоже в кабачке — *мартышке* слал ему горькое проклятие за его немецкие реформы. Сам освободитель крестьян Александр II пьет горькую, — и за то мужички в царских кабаках шлют ему *матюка* и ждуг нового А. Петрова, Ст. Разина или Пугачева. А Ст. Разин со *голытьбою* со *кабацкою* проповедал равенство, пожил в равенстве с своими удалыми добрыми молодцами, казаками и хотел сделать всех равными, без царя, без князей и бояр, — *братьями* по правам... Ломоносов, первый самородок русский, создатель новой русской науки и литературы, первый преобразователь умственной России, пророк первого русского университета, врач, борец и страдалец в российской академии немцев — Ломоносов пил *горькую* и не вкушал сладкого в своей горемычной жизни.

Бурлак, идущий в кабак, скажу словами Радищева, и назад возвращающийся, обогрвленный кровью — многое может решить доселе

гадательное в русской истории. А сколько горьких пьяниц русской литературы — в горьчайшую николаевщину, когда и в истории российской в устряловском царствовании Николая I, и в литературе свирепствовала не горькая водка горькодумного поколения Белинского, Пушкина, Кольцова, а сладкая вода, пустота стихокропателей князя Вяземского, — карамзинщина, повествовательщина пустая, болтовня, рассказная, без глубоких и возвышенных жизненно-философских идей Белинского, без жизненной поэзии Пушкина, Кольцова... И теперь мы пьем горькую, потому что на каждом шагу видим *горе, лыком подпоясанное, старое горе, злосчастье русское.*

Горе сердце нам грызет,
Вот бедняжка мужичок,
Воз печали он везет
За один лишь пятачок,
Горемычный батрачок.

И не исчислить всего горя русского, если начать с мужичка, с хаты деревенской, где стон и вопль от рекрутчины, от неволи, от станового, от помещика и пр., пр. — всю широкую всероссийскую империю — юдоль плача, горя народного, начиная от *Амура* и до *ненависти*, и наяву и во сне, и в самом дворце и в хижине деревенской, и на Невском и на улице сельской, везде видишь *горе русское* и слышишь *горе русское*, кричащее, вопиющее, песней, шарманкой, — скрипом или стуком телеги или фуры набитой...*, подати, рекрутчины, писанья и бесправья, разнообразными вариациями горя...*

Промысла и т. д., и т. д.

И видим *горе русское* и слышим *горе русское, народное, живое*, и пьем *горькую, царскую*, отравляющую, убивающую. И пьем всю горькую чашу горя от ума, горя от царя, горя от помещиков, князей и т. п., и пьем и не пьянем и ждем нового могучего Ст. Разина, *со голытьбою со кабацкою*, с ненавистными кн. Вяземскому отборными пьяницами горя русского *тысячелетия*. А что касается до *духовной свободы*, которую за свое сокровище и страсть (к крестьянским деньгам) князь упояется до поэтического отречения, сидя, быть может, с дорогой сигарой на дорожайшем диване во всем княжески-вельможном комфорте, наитяжелейшем для крестьянства, притом после выпивки хорошего шампанского за расстреливание возмущившихся крестьян, — что же касается до духовной свободы, то я спросил бы только его сиятельство: «А что, князь, мужичок или ремесленник фабричный или заводский, имеет ли не только духовную, но и телесную свободу от палок, от непомерной тяжести оброка, подати, рекрутчины — свободно ли он владеет землею, на которой стоит с своей избушкой на курьих ножках, свободен ли и досыта ли кормится от земли, которую питает Россию?..» Что же касается до *зависти пешехода карете*, то князь ошибся: не написал, во 1-х, вместо *зависти* — *смеха* пешехода за каретой, в которой сидит один барин с пустейшею гордостью, преважно подбоченясь, прелениво навалившийся на одну сторону, левую — показывая всем знаком, что у него есть правая половина, отсутствующая дама его сердца, тиранящая дворовых девок, блудящая *по-армейски*, как выражаются дворовые, — князь ошибся, не написавши вместо *зависть* — *ненависть* — потому что в карете сидит прегордый, превельможный, сиятельный, или тиран-кровопийца, човекоубийца, Бирон крестьянства, враг свободы, равенства и братства, которому ненависть кричит вслед за каретой:

* Пропуск в рукописи.—Ред.

(bis)

...Слышь, деспот, народный вздох,
Ведь то бьется кровь демократизма,
То последний ох,
От твоего деспотизма...

— Вместо *зависти* — князь не написал *ум* или следующую русскую поговорку, которую вы, князь, сами произносили — перед каретой, иди пешком: «С умом ходим пешком, а дурак ездит в карете». Ум за 1000 верст, подражая первому наученному европейской наукой уму русскому, Ломоносову, в ломоносовские морозы идет пешком учиться, учит..... * из народа, забитого князьями, и, быть может, для освобождения народа от князей.

А. Шапов

8 октября 61.

Текст письма подготовлен к печати редакцией «Литературного наследства».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К славянофилам склонен причислять Шапова его биограф Н. Я. Аристов; вывод этот не относится, однако, к числу основных положений его книги, а дан попутно и без доказательств. Справедливость требует отметить, что, несмотря на в общем консервативный тон, может быть, объясняемый годом выхода книги в свет (она появилась в виде журнальных статей в 1882 г. в благонамеренном «Историческом вестнике», а отдельным изданием в 1883 г. — это было время начала реакции после убийства Александра II), — это лучшая работа о Шапове в дореволюционной литературе. Сам некогда поднадзорный и причастный к революционному движению шестидесятих годов, Аристов не может быть безоговорочно отнесен ни к консервативным, ни тем более к реакционным кругам. Его книга о Шапове обладает высокими достоинствами тонкой наблюдательности, сохранившей для нас множество фактических данных, известных автору как другу и современнику Шапова (Н. Я. Аристов. Афанасий Прокофьевич Шапов (жизнь и сочинения). Посмертное изд. СПб., 1883).

Работа молодого Г. В. Плеханова о Шапове, напечатанная еще в «Вестнике народной воли», является рецензией на книгу Н. Я. Аристова. Плеханов подчеркивает в этой рецензии разногласия между Шаповым и Чернышевским. Последний в те ранние годы еще представляется Плеханову реформистом-государственником, в Шапове же, по Плеханову, «были очень сильные славянофильские тенденции». Федеративный идеал Шапова Плеханов — явно неправильно — трактовал как возврат к феодальному дроблению, в силу чего Шапов представлялся ему идеализатором того «печального периода народной беспомощности, когда народу оставался лишь выбор между чужеземными и домашними поработителями». По Плеханову, «яблоком раздора» между Шаповым и Чернышевским «был именно вопрос о государстве, его исторической роли и желательном для демократов отношении его к народу в настоящее время». Надо заметить, что Чернышевский не был реформистом-государственником, а Шапов — славянофилом. Самое крестьянское существо идеологии Шапова несовместимо с классовой помещицкой сутью славянофильского либерализма (рецензия Плеханова перепечатана в его Полн. собр. соч., т. II, 1923, цит. тексты на стр. 20 и 17).

Довольно обширная работа о Шапове принадлежит Г. А. Лучинскому, предпославшему обширный биографический очерк III тому сочинений Шапова; заметим, что в этом очерке Шапов — общественный деятель оторван от Шапова-историка; автор стремится трактовать Шапова как либерально-консервативного академического профессора, всячески подчеркивая его болезненные, неврастенические черты. Правда, достоинством очерка является привлечение дополнительного архивного и вновь опубликованного документального материала (Г. А. Лучинский. Афанасий Прокофьевич Шапов.—Соч. Шапова, т. III. СПб., 1908, стр. I—CIX).

А. Л. Сидоров, опубликовавший найденное Е. И. Чернышевым письмо Шапова к Александру II, приходит в своем предисловии к публикации к выводу, что Шапов был демократом, но не был революционером («Красный архив», 1926, № 6, стр. 151). Е. И. Чернышев в своих публикациях о Шапове придерживается правильного вывода, что Шапов принадлежал к революционным демократам (А. П. Шапов. Неизданные сочинения. Оттиск из «Известий Общества археологии, истории, этнографии при Государственном Казанском университете», т. XXXIII, вып. 2-3). П. Кабанов в своей книге «Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова» (М., 1954)

* Пропуск в рукописи.—Ред.

относит Щапова к «просветителям» и вместе с тем сближает его с революционными демократами.

² Лекция Щапова «О конституции» опубликована Е. И. Чернышевым в «Известиях Общества археологии, истории, этнографии при Государственном Казанском университете», т. XXXIII, вып. 2-3, стр. 38—58.

³ Письмо Щапова к Александру II 1861 г.— «Красный архив», 1926, № 6, стр. 151, 161, 162.

⁴ <П. А.> В я з е м с к и й. Заметка. (Из собрания стихотворений «На дороге и дома»).— «Русский вестник», 1861, № 8, стр. 697—698. Вяземский в пору близости его с декабристами обрисован в работе Николая Кутанова (псевдоним С. Н. Дурыйли-на) «Декабрист без декабря».— В сб. «Декабристы и их время», т. II. М., 1932, стр. 201—290; ср. П. А. В я з е м с к и й. Моя исповедь (1829) (Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1879).

⁵ Н. Я. А р и с т о в. Указ. соч., стр. 72.

⁶ Так, Г. А. Лучинский пишет: «По толкованию многих, это стихотворение было направлено против Щапова» (А. П. Щ а п о в. Соч., т. III, стр. 2). Более точен, по-видимому, Н. Я. Аристов: «Трудно допустить, чтобы князь Вяземский в этом стихотворении метил на определенную какую-либо личность; но между литераторами сложилось тогда убеждение, что он изображает здесь Щапова, о чем и сообщили последнему знакомые» (Н. Я. А р и с т о в. Указ. соч., стр. 72).

⁷ Заметим, что это свидетельствует о значительно более раннем появлении лозунга о созвании Земского собора (Учредительного собрания), чем 1862 г. Ср. Ш. М. Л е в и н. К датировке новых огаревских документов.— «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 869.

⁸ Н. Я. А р и с т о в. Указ. соч., стр. 73.

⁹ Там же.

¹⁰ «Современник», 1859, № 9 (ср. М. А. А н т о н о в и ч. Воспоминания.— В кн.: «Шестидесятые годы». М.— Л., «Academia», 1933, стр. 138—139); Н. Я. А р и с т о в. Указ. соч., стр. 46.

¹¹ Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова.— «Красный архив», 1926, № 1, стр. 128—130 и 141. Более половины статьи Шелгунова не касается работ Щапова, а сосредоточено на анализе силы народов в борьбе с угнетателями, определении условий, при которых сила эта проявляется. Шелгунов считает русский народ недостаточно активным в борьбе и упрекает Щапова как раз за преувеличение его силы (стр. 140). Спор идет не по принципиально-программному моменту, а лишь против идеализации Щаповым активности русского народа в прошлом и преувеличения значения земских соборов («Нашли мы в нашей прошлой жизни какие-то земские соборы и ужасно обрадовались своей находке, и возмись мы с этими соборами, и тычем ими всем в глаза, и думаем, что тут-то именно и нужно искать русское слово. Слово, точно, есть и тут, да слово очень небольшое. И неужели мы и без этого не знаем, что нам нужно?» (стр. 146).

¹² А. П. Щ а п о в. Соч., т. I. СПб., 1906, стр. 1—15; Г е р ц е н, т. X, стр. 69 и сл.

¹³ «Известия Общества археологии, истории, этнографии при Государственном Казанском университете», т. XXXIII, вып. 4, 1927, стр. 76.

¹⁴ Н. Я. А р и с т о в. Указ. соч., стр. 66.— Курсив мой.— М. Н.

¹⁵ А. П. Щ а п о в. Соч., т. III, стр. XXXIV (ср. М. К. Л е м к е. Дело воскресников.— «Очерки освободительного движения „шестидесятых годов“». По неизданным документам». СПб., 1908, стр. 399—438.

¹⁶ Г е р ц е н, т. XVI, стр. 73 (комментарии).

¹⁷ Об активном участии Чернышевского в хлопотах по делу имеется ценный опубликованный документальный материал. Ср., например, его письмо к А. А. Краевскому от февраля 1862 г.: «По поручению лиц, сочувствующих г. Щапову, я заходил к вам, Андрей Александрович, просить вас участвовать в депутации, которая должна отправиться к Головиняну для представления прилагаемой мною записки. К записке этой собираются подписи <...> В депутацию предполагается назначить вас, г. Некрасова, г. Тиблена и меня» (Ч е р н ы ш е в с к и й, т. XIV, стр. 448).

В этой связи чрезвычайно интересно неизвестное письмо Г. Е. Благосветлова от 4 февраля 1862 г. к Краевскому, найденное Н. Г. Розенблумом. Публикуем его полностью:

Милостивый государь Андрей Александрович!

Чернышевского я не застал дома и потому ничего не могу сообщить вам о деле Щапова. Между тем и с других сторон слышится, что Головинин не имеет отношения к этому делу. Пусть мальчики действуют поосторожней, иначе придется просить у Юпитера нового журавля для лягушек.

С совершенным уважением к вам

Григ. Благосветлов

1862 4 февраля

(ГПБ, Письма к А. А. Краевскому, Б—В, л. 234).

¹⁸ Н. Я. Аристов приводит из письма Герцена к Щапову следующую цитату: «Ваш свежий голос, чистый и могучий, теперь почти единственный, отдално раздается среди разбитых и хриплых голосов современных русских писателей и глубоко западает в душу» (Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 74).

¹⁹ Н. Я. Аристов. Указ. соч., стр. 74.— Курсив мой.— М. Н.

²⁰ Герцен, т. X, стр. 73, 76; т. XV, стр. 66, 307; т. XVI, стр. 72—73; т. XVII, стр. 238, 380; ср. также М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 110—112.

²¹ Герцен, т. XV, стр. 66, 307.— О доносе Андрея Муравьева по поводу статьи Щапова «Земство и раскол» — см. А. П. Щапов. Соч., т. III, стр. 57.

²² Герцен, однако, совершает здесь ту ошибку, что считает панихиду посвященной памяти расстрелянного Анто́на Петрова. Это не так, — когда служилась панихида, Петров еще был жив, приговор над ним был приведен в исполнение днем позже (ср. Герцен, т. XVII, стр. 197, 238). Панихида служилась по убитым крестьянам.

²³ В рукописи заглавие таково: «Письмо Щапова к кн. Вяземскому. Переписано 7-го янв(аря) <18>62».

Павел Петрович Вяземский (1820—1888), сын поэта П. А. Вяземского, с 1859 г. состоял попечителем Казанского учебного округа. В 1862 г. он перешел на службу в Министерство внутренних дел и стал председателем С.-Петербургского комитета цензуры, а с 1881 г. — начальником Главного управления по делам печати.

²⁴ «Куртинская панихида» — панихида по жертвам Бездинского восстания — была отслужена в вербное воскресенье 16 апреля 1861 г. после вечерни в церкви Казанского городского кладбища, называемого «Куртино» (по старому названию места), — отсюда название панихиды. Панихиду служили «соборно»: два священника и иеромонах «в сослужении» дьякона и иеродьякона, причем один священник, иеромонах и иеродьякон были студентами Казанской духовной академии и учениками Щапова. Во время панихиды служившие ее поминали «рабов божих во смятении убиенных». На клиросе пели студенты духовной академии и университета, а «вечную память» пели все присутствовавшие, которых собралось очень много, преимущественно студентов. Свою речь Щапов произнес после панихиды с амвона (см. свидетельство очевидца П. В. «К биографии А. П. Щапова» — «Древняя и новая Россия», 1876, № 9, стр. 104).

²⁵ Упомянутая тут и далее секта «бегунов» — одно из течений русского раскола, особенно интересовала Щапова, уделившего ей значительное внимание в своих работах о старообрядчестве и отдельное исследование во второй части труда «Земство и раскол», имеющее подзаголовок: «Бегуны» (см. А. П. Щапов. Соч., т. I, стр. 505—579). «Все учение бегунов есть всецелое, решительное, деятельное или фактическое отрицание всех основных начал и учреждений империи, всей государственной системы», — пишет Щапов (стр. 574). Бегуны отрицали присягу царю, подати, оброки, запись «ревизских душ» и т. д. Упомянутые в тексте имена Никиты Семенова и Евфимия — имена руководителей и идеологов секты.

²⁶ Слова крестьянина, участника «холерного бунта» — восстания военных поселян в Новгородской губ. в 1831 г. (ср. П. П. Евстафьев: Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934).

²⁷ Ироническое наименование Екатерины II.

²⁸ Один из руководителей секты бегунов.

²⁹ Имеется в виду «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, где в главе «Спаская полость» описана странница Прямовзора («глазной врач»), которая сняла белым с глаз правителя и дала ему возможность увидеть не вымышленное благополучие народа, а истинную картину его угнетения.

³⁰ Под «декабрьщиной» Щапов разумеет здесь движение декабристов, под «матрикульщиной» — студенческое движение 1861 г., связанное с отказом студентов принять «матрикулы», что было бы равносильно принятию новых стеснительных для студентов правительственных правил. Не принявшие матрикулов студенты, участники выступлений, подверглись суровым репрессиям, многие были заключены в Петропавловскую крепость.

³¹ Праздник тысячелетия России приходился на 1862 г. — его было решено торжественно отметить. Щапов готовил к официальному торжеству ряд статей, разоблачающих самодержавную централизацию и угнетение народа на всем протяжении истории России.

³² Имеется в виду Астраханское восстание 1705—1706 гг. во время царствования Петра I. Восстание возглавил ярославский купец Яков Носов, выбранный атаманом движения и ставший во главе нового Астраханского управления, организованного восставшими.

³³ Речь идет о стихотворении П. А. Вяземского «Заметка» в августовской книжке «Русского вестника» 1861 г. (см. о нем в предисловии к настоящей публикации).